

ВОЙНА САТИРИКОН

Цѣна отд. № въ 25 к. и на ст. 30 к.
Розн. продажъ жел. дор.

НОВЫЙ


№ 35

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1916

25 АВГУСТА

Рис. Реми.

СКАЗКИ.

Сегодня мысль моя бездарно
Дворцы фантазии дробить на камушки,
Я вижу — жизнь элементарна,
Нѣть сказокъ обѣ Иванушкѣ!
Старуха-правда мечту украла,
Цвѣтовъ волшебныхъ уяли краски,
И рѣкъ молочныхъ нигдѣ не стало,
И даже дѣти забыли сказки.
Царевна Марья въ плѣну драконовомъ
Состарѣлась, и очень рано,
Теперь живеть въ дворцѣ фарфоровомъ
Жена законная царя Ивана!
Одѣла шею жемчужной ниткою,
Подѣ стати кокошнику и сарафану,
И рожки дѣлаетъ, живя улиткою,
— Иванушкѣ — царю Ивану.
У волка сѣраго устали ноги,
Шерсть стала мягкая, какъ вата,
Онъ раздобрѣль и всѣ забылъ дороги,
За тридевять земель куда-то...
Вода живая, не въ помощь ранамъ,
А такъ, отъ малокровія
До капли выпита царемъ Иваномъ,
На доброе здоровіе!
И стали добрыми Ивана братья,
(Послѣдняя побѣда)
И говорятъ «merci», смиривъ проклятья,
Царю Ивану послѣ обѣда.

А. Эмъ.

ЛЮДИ РАТНЫЕ.

На улицахъ, въ садахъ, въ театрахъ и на гуляньяхъ всюду, гдѣ бываютъ люди, вы увидите ихъ.

Они звенятъ шпорами, дѣловито поддерживаютъ гремящія шашки, у нихъ высокіе походные сапоги съ огромными звѣрскими застежками, защитные кителія, защитные погоны, защитныя пуговицы, даже усы и бороды иногда выкрашены въ защитный цвѣтъ, у нихъ мрачныя сосредоточенные лица, говорящія о тяжелыхъ условіяхъ походной жизни и пережитыхъ испытаніяхъ боевой страды. Дамы и барышни думаютъ, что эти люди совершили рядъ фантастическихъ подвиговъ, и что одно ихъ появленіе на фронтѣ заставляетъ трепетать закоренѣлое, обросшее черной корой сердце Вильгельма.

Кто они?

* * *

Вася Бурятовъ отличался слабымъ здоровьемъ, близорукими глазами и милитаризмомъ. Передъ призывомъ онъ собралъ столько удостовѣреній высшихъ медицинскихъ свѣтиль столицы, что, читая всѣ эти бумаги, можно было только удивляться, какъ еще живъ до сихъ поръ этотъ человѣкъ. Тѣмъ болѣе, что одинъ профессоръ, человѣкъ разсѣянный, — какъ подобаетъ настоящему ученому, — вмѣсто удостовѣренія о сильномъ апендицитѣ выдалъ Бурятову свидѣтельство о смерти.

Вася Бурятовъ разочаровался въ современной войнѣ.

— Вотъ Наполеоновскія войны, — говорилъ онъ, — это — я понимаю! Красота, геройство; красивые мундиры, пышные кивера. Этакій, знаете, паѳость разрушенія. Старая гвардія, гренадеры, которые скорѣе сдадутся, чѣмъ умрутъ, Миратъ, наконецъ... И вообще — красота.

Отрицаніе современной прозаической войны и принципіальное преклоненіе передъ былымъ геройствомъ заставило Васю Бурятова избрать тыловую службу.

Гимназіческій товарищъ Бульбинъ, встрѣтивъ Васю на улицѣ, съ трудомъ узналъ прежняго Бурятова.

— Голубчикъ, что съ тобой?... Что это значитъ?...

Вася меланхолически звякнулъ шпорами и оправилъ портупею.

— Ты въ кавалергардахъ, Вася?

— Нѣть... Но въ этомъ родѣ...

Бульбинъ почтительно, со скрытымъ волненіемъ трогалъ Васинъ погоны, китель, пуговицы и даже поверть колесиками на шпорахъ.

— Изумительно! Я бы голову даль на отрѣзъ, что ты кавалергардъ...

Вася занималъ скромную должность въ одномъ изъ весьма полезныхъ учрежденій, дѣятельность котораго была направлена на снабженіе лазаретовъ усовершенствованными пластырями и резиновыми спринцовками. Но его форма, его бравый молодцеватый видъ, звякающія шпоры и прекрасная стальная, отпущенная шашка говорили, что этотъ человѣкъ — настоящій военный, славный, старый рубака, которыхъ такъ рѣдко встрѣтишь въ наше трезвое время. Самъ Вася находилъ въ себѣ необычайное сходство съ маршаломъ Массена; сынъ его квартирной хозяйки, гимназистъ четвертаго класса, говорилъ, что онъ удивительно похожъ на Густава-Адольфа.

* * *

Какъ-то на Невскомъ Вася встрѣтилъ своего стараго приятеля Колю Топорцева; съ этого дня начались страданія, сомнѣнія и ревность. У Коли были голубыя рейтзузы, а главное, — что больше всего отравило покой Бурятова — элегантный морской кортикъ.

— Гдѣ ты служишь, Коля? Во флотѣ?

— Почти. Я помощникъ младшаго бухгалтера счетоводного отдѣла по закупкѣ дегтя и колесъ.

— Но почему же кортикъ?..

— Форма, дорогой мой. Форма, — и Коля небрежно оправилъ эмалевую рукоятку.

Бурятовъ, человѣкъ непосредственный и откровенный, высказалъ Колѣ свою искреннюю зависть.

— Кортикъ! Вотъ это я понимаю. Что шашка? Ерунда! Селедка! Въ кортикѣ есть что-то экзотическое, потустороннее. Какъ ты думаешь, могу я носить кортикъ?

— Какъ бы тебѣ сказать, — задумчиво отвѣтилъ Коля, — думаю, что да. Ты знаешь Сѣму Фарфурника? Знаешь? Такъ вотъ, онъ служить помощникомъ уполномоченного — и носить, ты представь себѣ только — казацкую пижу.

— Пижу? Это ударно!.. Ну и какъ же, всегда ее носятъ? Напримѣръ, на улицѣ или въ театрѣ?

— Всегда. Ну, конечно, когда приходить въ домъ осталять въ передней.

Съ этого дня въ жизни Вася Бурятова померкло что-то яркое, солнечное, радостное. Онъ понялъ бренность всего сущаго и неудовлетворенность бытія. Новенькая острыя шашка казалась теперь ненужной, скучной, шаблонной.

У Коли былъ кортикъ, у Сѣмы Фарфурника пика, а у него — банальная шашка... Правда, онъ купилъ изогнутую чеченскую саблю, но все-таки до пики было далеко. Вася замѣнялъ ее слабыми суррогатами. Полевой бинокль, карта подъ стекломъ, кожаный мѣшокъ для папиросъ и какой-то странный техническій инструментъ въ футлярѣ, который онъ никому не показывалъ. Но, конечно, все это было не то; Вася началъ подумывать о перемѣнѣ службы.

Какъ-то вечеромъ у входа въ кинематографъ Васю кто-то окликнулъ. Онъ обернулся.

— Люлинъ? ..

— Да, это я, — весело отвѣтилъ молодой человѣкъ въ тыловой формѣ. — Какъ живешь, старикъ?

Вася хотѣлъ было что-то отвѣтить, но слова застряли въ горлѣ, когда онъ увидѣлъ, что Люлинъ тянется на веревочкѣ какои-то странный предметъ на колесахъ.

— Что это? .. Что это? .. На веревочкѣ? ..

— Ахъ, эта мнѣ форма... Вообще штатскому человѣку такъ тяжело одѣваться по всѣмъ правиламъ формы.

— Что же ты тянешь?

— Да это, видишь ли, небольшой пулеметъ.

— Вамъ... полагается? ..

— Да. Обязательно. Безъ пулемета даже на улицу выйти нельзя.

— А гдѣ ты служишь? — робко спросилъ Вася.

— Отдѣль по заготовкѣ сапожныхъ подошвъ.

Бурятовъ ничего не отвѣтилъ. Бурятовъ понялъ, что онъ — жалкій неудачникъ.

На слѣдующій день онъ встрѣтилъ Муню Гофеншлопера. Это былъ ужасный ударъ. Муня служилъ въ тыловой распределительной аптекѣ и носилъ огромную алебарду. Вася уже не разспрашивалъ. Но когда онъ встрѣтилъ на Невскомъ Сашку Гукайло съ краснымъ крестикомъ на погонахъ, въ латахъ и въ шлемѣ съ забраломъ, то понялъ, что жить не стоитъ.

— Неудачники должны умереть.

Вася Бурятовъ кончилъ жизнь самоубийствомъ.

* * *

... Вамъ, звенящимъ шпорами, брящающимъ шашками, кортиками, палашами, пиками и алебардами, вамъ,увѣшаннымъ биноклями, телескопами, микроскопами, пулеметами, вамъ одѣтымъ съ ногъ до головы въ защитный цвѣтъ, вамъ, смущающимъ дѣвическій покой умопомрачительными галифѣ и воинственными лицами, — трепетно посвящаю эти строки.

Бор. М—скій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Синій Журналъ“ сопровождаетъ газетныя цитаты такими „собственными примѣчаніями“, что если всунуть крокодилу въ пасть двѣ три такихъ примѣчанія, то крокодиль соѣдетъ въ кольцо и въ мукахъ недоумѣнія издохнетъ.

Цитата изъ Бальмонта:

„Когда я уѣзжаю изъ какого-нибудь города въ Россію, любимая женщина или подруга мгновенія даритъ мнѣ букетъ розъ или букетъ ландышей.“

„Когда же я уѣзжалъ въ Россію изъ Пуруги, нѣжная гейша, которую я сумѣлъ растрогать, подарила мнѣ на память одинъ длинный стебель, — еще не распустившійся ирисъ.“

Примѣчаніе „Синяго Журнала“:

До сихъ поръ единственнымъ „подаркомъ молодымъ хозяйствамъ“ считалась извѣстная книга Елены Малоховецъ.

Теперь же оказался таковыми и извѣстный поэтъ К. Д. Бальмонтъ.

Что такое? Почему? Гдѣ? Какъ? При чёмъ тутъ „Подарокъ молодымъ хозяйствамъ“? Почему „таковыми“ оказался Бальмонтъ, которому японка подарила ирисъ.

Время идѣть къ осени, а въ огородѣ „Синяго Журнала“ бузина разрастается такъ, что пройти нельзя, а дядя, хотя и сидитъ въ Кіевѣ, но отъ этого читателямъ журнала совсѣмъ не легче...

* * *

Военный корреспондентъ „Русского Слова“, Григорій Петровъ съ веселой развязностью Ивана Хлестакова разсказываетъ о совѣщаніи германскихъ и австрійскихъ военоначальниковъ по поводу наступленія русской арміи на Карпаты...

Вотъ что разсказываетъ очевидецъ Григорій Петровъ (такія вещи только и можетъ разсказывать очевидецъ):

Макензенъ вспыхнулъ, бѣшено вскочилъ и, стукнувъ по столу кулакомъ, шипя, сказалъ:

— Что бы тамъ послѣ ни было, а я обращаю Карпаты въ желѣзныя ступени для ногъ русскихъ, а если русские все же

поднимутся по этой лѣстницѣ, то не иначе, какъ напоивъ каждую ступень Карпатъ своею кровью.

Одинъ австрійскій генералъ, слушая сообщеніе Макензена о боевыхъ приготовленіяхъ на Карпатахъ, съ мрачнымъ отчаяніемъ вздохнулъ.

Даже вздохъ разслышалъ Григорій Петровъ...

Когда Макензенъ сталъ читать посланіе Вильгельма, — принцъ Леопольдъ впился въ лицо вновь назначенного „архангела Карпатъ“ и пытливо сльдилъ за смѣюю выраженіемъ, за каждымъ оттѣнкомъ мысли и чувства въ чертахъ Макензена. Макензенъ дочитывалъ пунктъ, задумывался или же сразу рѣшиительно и твердо отвѣчалъ:

— Да!

— Да? — какъ бы провѣряя, переспрашивалъ Леопольдъ.

— Да! — подтверждалъ Макензенъ.

Читалъ дальше и опять, какъ бы отвѣчая черезъ стоящаго тутъ принца Леопольда невидимо спратаивающему Вильгельму, вслухъ произносилъ каждый разъ однозначно:

— Да!.. Да!.. Нѣтъ!.. Да!.. Нѣтъ.

Кончивъ читать, Макензенъ задумался, закрылъ даже глаза, сжалъ губы, помолчалъ, мотнувъ какъ-то головою, какъ бы отгоняя тяжелую думу, свернувъ бумагу въ трубочку и отъ горѣвшаго для закуриванія рожка зажегъ. Держалъ, пока бумага не сгорѣла вся. Тогда растеръ пепель и поднялъ глаза на Леопольда. Принцъ Леопольдъ словно еще ждалъ чего-то. Макензенъ молчалъ.

А когда всѣ генералы, развѣявъ пепель отъ бумаги, вышли изъ комнаты, хитрый Григорій Петровъ вылѣзъ изъ подъ стола и побѣжалъ къ себѣ писать корреспонденцію въ „Русское Слово“.

Боже ты мой! Кажется, и мясопустные дни ввели, а въ „Русскомъ Словѣ“ до сихъ поръ каждый день къ читательскому столу подается жареная утка...

ИЗЪ ЦАРСТВА РАЗУМА.

Братья сумасшедшие! Вамъ — поклонъ земной!
Я изъ царства разума: все мое со мной!

Видите коробочку малую: въ ней смѣхъ.

Видите такую же: въ ней «смѣяться грѣхъ».

Видите бутылочку: въ ней немного слезъ.

Видите такую же — въ ней духи изъ розъ.

Видите, въ рукѣ моей: острый ятаганъ.

Видите, въ другой: бальзамъ — для лѣченія ранъ.

Спросите глаза мои: скажутъ «да» въ отвѣтъ.

Если переспросите: вамъ отвѣтятъ «нѣтъ».

О, усталость!.. Слышите, гоняйтесь... найдутъ...
Братья сумасшедшие, дайте мнѣ пріютъ!

Ал. Вознесенскій.

Рис. Н. Р.

СУПЪ ПО-БИСМАРКОВСКИ.

Бетманъ-Гольвегъ: — Послушайте, что это за безобразіе?! Я уже третій волосъ проглотилъ въ супѣ.

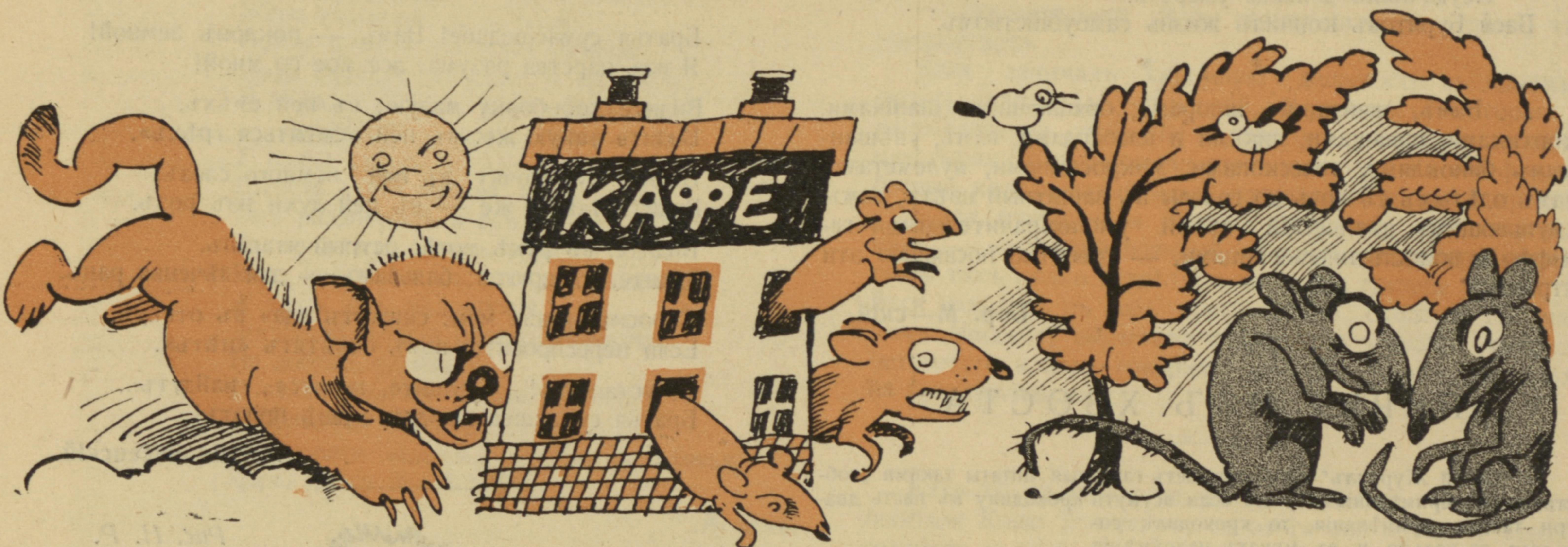
— О, г. канцлеръ! Мы хотѣли, чтобы въ васъ было хоть что-нибудь бисмарковское...

ОБВОРОВАННЫЙ.

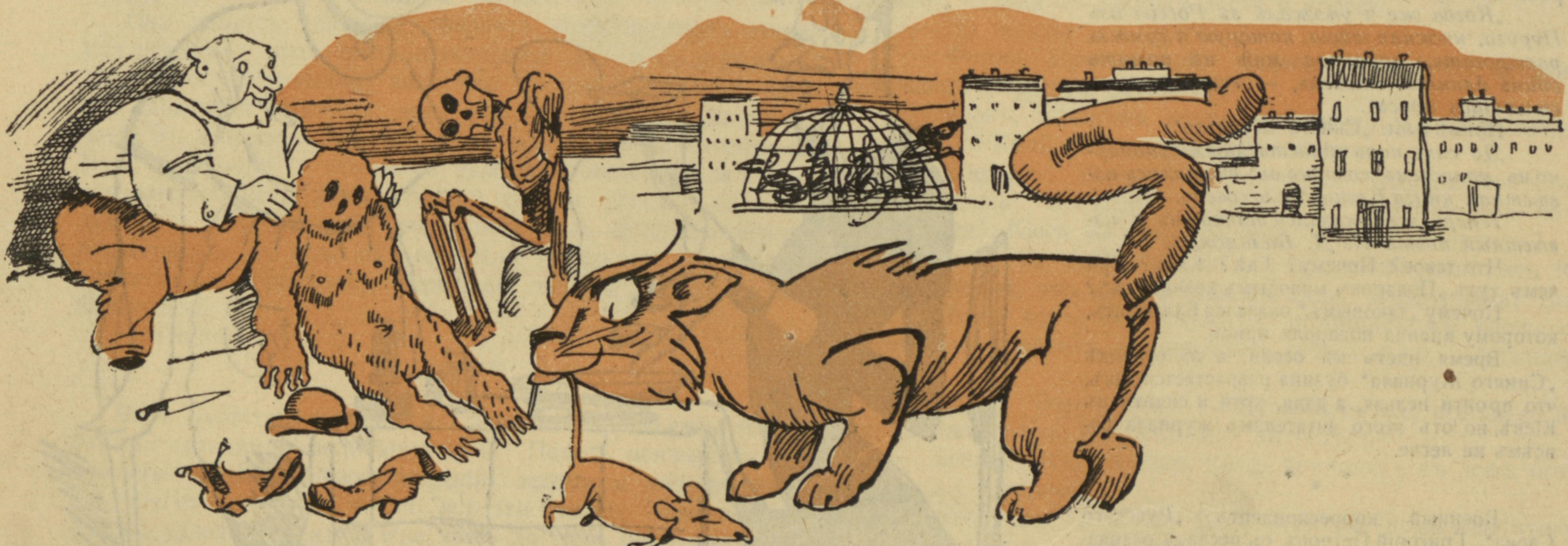
Рис. А. Радакова.

— Ай-ай-яй, — завопил Вавила Толстосумовичъ, — вотъ эти проклятые крысы обывателю шкуру хотятъ прогрызть! Бѣдный обыватель, не кому о немъ позаботиться! Эй, Котъ Котофеевичъ, иди на помошь!

Побѣжалъ за крысами котъ, — изъ кофейни выгналъ, стали въ скверахъ собираться — изъ скверовъ выгналъ, изъ ресторановъ выгналъ...

А потомъ: — Ха-а-апъ! — и схватилъ самыхъ жирныхъ крысъ! Принесъ, а Вавила Толстосумовичъ плачетъ: — Эхъ, незадачливый я: содралъ съ обывателя шкуру, чтобы на свѣтѣ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ дырки, ну, конечно, нашелъ, — про-грызли-таки проклятые! Кто же у меня теперь эту шкуру купить!? Ограбили!..

Д В Ъ Р Ъ К И.

Двѣ рѣки въ океанѣ мірозданья
Отъ земного струятся предѣла:
Голубая рѣка созерцања
И пурпурная — страсти и дѣла.
Берега у одной молчаливы,
Сиротливы, болотисто-зыбки,
Наѣдъ водою купавы да ивы,
Подъ водою холодныя рыбки.
И проходять безстрастныя дѣвы —
Блѣдноглазые юноши съ ними —
Слушать сонной стихіи напѣвы,
Наѣдъ туманами стыть голубыми.
Тамъ аскеты и жены безчревья,
Чужды солнцу, блуждаются, какъ тѣни.
Имъ о нѣжности шепчутъ деревья,
А они ждутъ чудесъ и видѣній.

* * *

Плодородныя нивы и горы
Опоясали красную рѣку.
Тамъ орлы держать грозные споры,
Не давая заснуть человѣку.
Жгучей пѣной, дробясь объ утесы,
Обдаются кровеносныя струи,
Развѣваются чешскія косы,
Огневые цвѣтути поцѣлуи.
Страсть — преддверье къ труду и желѣзу,
Страсть — семы заповѣдныя нѣды.
Тамъ, гдѣ плугъ оставляетъ порѣзы,
Хлѣбъ и золото сыплются щедро.
И живутъ корнетѣльные люди
Безъ печали надъ бурной стихіей;
Имъ не нужны сказанья о чудѣ,
Они сами какъ боги земные;
Имъ прекрасныя молніи снятся,
Имъ орлиныя слышатся вѣсти...

... Двѣ рѣки параллельно струятся,
И не слиться вовѣки имъ вмѣстѣ.

Алексѣй Липецкій.

БИРЖЕВЫЯ СДѢЛКИ.

Когда-то на миллионера смотрѣли съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ:

— Молодчага, въ лаптяхъ въ городѣ пришелъ!

Теперь же стать миллионеромъ, сдѣлать первый миллионъ, — плевое дѣло!

Вы покупаете какой-нибудь краски 100.000 пудовъ по любой цѣнѣ и продаете ее съ надбавкой по десяти рублей на пудъ — вотъ вамъ и миллионы!

Не хотите краски, купите аспиринъ, овесъ, кожу, лыко, уголь, битыя бутылки... Нужно лишь такое количество пудовъ, чтобы отъ умноженія на плюсъ къ себѣстоимости получился миллионъ! Если же можете набрать такого количества пудовъ — увеличьте соотвѣтственно плюсъ къ себѣстоимости — получите миллионъ!

Не хитрая штука!.. Можно даже бойтись двумя изъ первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій. А девизомъ нужно избрать девизъ одной старухи Глѣба Успенского:

— «Въ карманъ норови!»

Цѣны на предметы первой необходимости теперь не колеблются: онъ стремительно идутъ въ гору. Колеблются лишь продавцы, жалѣя отдать товаръ, въ надеждѣ, выждавъ, взять за него больше.

Другое дѣло съ «бумажными» товарами, котирующимися на фондовѣй биржѣ. Это не есть предметъ первой необходимости. Можно счастливо дожить до глубокой старости и ни разу не увидѣть ни манташевскихъ, ни Шеръ-Ойль, ни судостроительныхъ, — даже не услышать о нихъ. Покупаютъ и продаютъ эти товары все больше свои люди, и если всѣ они будутъ крѣпко или всѣ они будутъ слабо настроены — никакой биржевой игры не можетъ быть. Поэтому цѣны на акціи — какъ кривая тифозной температуры.

Заработать на биржѣ миллионъ — штука хитрая! Тутъ мало не только всѣхъ первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, но и всѣхъ пяти человѣческихъ чувствъ. Чтобы

понять всѣ биржевые сдѣлки, поддѣлки и продѣлки, нужно имѣть шестое чувство: чутье.

Въ настоящее время очень многіе скрѣбятъ о томъ, что у нихъ нѣтъ средствъ для открытія онкольного счета.

Мнѣ хочется ихъ утѣшить. Прижать ихъ скорбныя головы къ своей груди и сказать:

— Дѣтки мои, вамъ хочется нажить на биржѣ первый миллионъ? Бросьте, — это такъ же трудно, какъ поймать за хвостъ жаръ-птицу. Были такие умные, съ еще меньшими аппетитами: мирились на первой сотнѣ тысяч — и то потеряли послѣдніе «соединенные штаты», несмотря на такую сильную поддержку, какъ подтяжки. Если же вы хотите подразнить свое воображеніе, хотите испытать биржевой ажуртъ, то заведите домашнюю фондовую биржу, по образцу той, которую я основалъ у себя совмѣстно съ двумя товарищами.

* * *

— Ленька, я настроенъ крѣпко на «Русскую нефть». Котировка 226.

— А я настроенъ слабо. Держу пари, что она упадетъ завтра до 220!

— Принимаю. Я ставлю ужинъ въ «Луна-Паркѣ».

— Отвѣчаю ужиномъ въ «Буффѣ».

— Господа, — предложилъ Женя, — если цѣна держится на сегодняшней, ты меня угощаешь въ «Луна-Паркѣ», а Ленька въ «Буффѣ»... Если же цѣна измѣнится въ ту, или другую сторону, хотя бы на четвертакъ — я угощаю васъ обоихъ у Фелисьена... Идетъ?

— Идетъ!.. идетъ!...

— Кто хочетъ сыграть на «Ліанозовскихъ»? — спросилъ я.

— Я ишу спорщика на «Кыштымскія»... котировка 43¹/₄, — крикнулъ Женя.

— На «Кыштымскія» играю на повышеніе! — откликнулся Ленька.

— Идетъ!.. Я настроенъ слабо. Отвѣчаю рецептомъ на 100 граммъ спирту.

— А я десятую фунтами рафинада!

Такъ мы играемъ. Въ общемъ, счастливо: каждый вечеръ ужинаемъ вмѣстѣ въ другомъ ресторанѣ и не ощущаемъ убытковъ отъ неудачныхъ биржевыхъ сдѣлокъ. Обмѣняемся предметами первой необходимости: проигравшій, пользуясь связями, достаетъ все безъ стоянія въ очереди.

Биржевыхъ бюллетеней ждемъ съ нетерпѣніемъ. Волнуемся въ ожиданіи ихъ, какъ на бѣгахъ, или скачкахъ. Мы все-

Рис. Н. Радлова.

НЕОБХОДИМЫЙ ВОПРОСЪ.

„Германскій Кронпринцъ на Западномъ фронѣ раненъ въ лѣвую ногу“.

— Ваше Величество! Кронпринцъ раненъ въ ногу!

— Въ какую? Въ переднюю?

НОВЫЙ САТИРИКОН

Рис. Н. Р.

КРАЙНОСТИ СХОДЯТСЯ.

Дама: — Боже, какъ быстро мода на короткія платья проникла въ деревню...

гла въ курсѣ биржевыхъ цѣнъ и своимъ знаніемъ удивляемъ профессионаловъ. Только на одинъ ихъ вопросъ мы, улыбаясь, отмалчиваемся:

— Сколько штукъ вы сдѣлали?

На количество мы, вѣдь, не играемъ.

Мы никогда не сдѣлаемъ первого миллиона, но зато никогда не потеряемъ послѣднихъ штановъ!

Исидоръ Гуревичъ.

КОНЕЦЪ КЛИНКОВА*).

Разсказъ Арк. Аверченко.

Читателями уже, вѣроятно, замѣчено, что авторъ по складу своего характера съ большимъ удовольствиемъ обращаетъ взоръ свой на яркія, солнечныя стороны жизни, избѣгая тѣневыхъ печальныхъ сторонъ.

Именно поэтому исторія женитьбы Громова освѣщена только вскользь — до того это было грустное, мрачное событие...

На бракосочетаніе бѣднягу вели, какъ на казнь, и сходство это еще усугублялось тѣмъ надежнымъ зловѣщимъ эскортомъ, которымъ быть окружены женихъ: по бокамъ сивый старики — отецъ невѣсты — и развязный братъ, сзади — тетка, говорившая такимъ густымъ басомъ, что даже безстрашный Подходцевъ поглядывалъ на нее съ нѣкоторымъ уваженіемъ...

Свадебный пиръ больше напоминалъ погребальную трапезу, женихъ сидѣлъ около невѣсты, какъ придавленный дубовымъ бревномъ, а Клинковъ и Подходцевъ, молча, вливали въ себя вино непрерывной струей, но не пьянѣли...

На срединѣ пира Клинковъ всталъ и произнесъ двумысленный тостъ, пожелавъ невѣстѣ долголѣтія:

— Дай Богъ, — дрожащимъ отъ искреннихъ слезъ голосомъ, возгласилъ онъ, — чтобы вы, дорогая Евдокія Антоновна, прожили много-много лѣтъ, такъ... года три-четыре.

— Значитъ, вы хотите, — мрачно возразилъ развязный братъ, — чтобы моя сестра умерла черезъ три года?

— О, дорогой, Павель Антоновичъ, — съ готовностью отвѣтилъ Клинковъ, — я вѣдь основываюсь на возрастѣ.

Чтобы замять этотъ разговоръ, кто-то изъ гостей, поднялъ бокаль и крикнулъ:

— Горько!

— А еще бы! — подхватилъ угрюмый Подходцевъ. — Правильно сказали, многоуважаемый Семенъ Семенычъ! Еще бы не горько.

— Я не Семенъ Семеновичъ, а Василій Власичъ, — поправилъ аккуратный гость.

— Что вы говорите! Никогда бы не сказалъ по первому впечатлѣнію! Итакъ, господа, — горько! Очень горько!

— Поцѣлуйте жениха, — подсказалъ невѣстѣ Василій Власичъ.

Подходцевъ прорычалъ:

— Такъ ему и надо — не жениться!

Поднялся шумъ, крикъ, чѣмъ Подходцевъ и Клинковъ, раздраженные, со слезами бѣшенства на глазахъ — и воспользовались, чтобы скрыться, а родственники еще плотнѣе обсыпали бѣднаго кроткаго Громова, такъ что онъ, затертый ими, какъ бригъ съверными льдами, накренился на бокъ и тихо примерзъ къ своей съденной молью невѣстѣ.

* * *

Прошло три дня со времени этого тяжкаго бракосочетанія... Все это время унылый мужъ бродилъ по комнатамъ, насвистывалъ мелодичные грустные мотивы, хватался за дюжину поочередно начатыхъ книгъ и даже «прижимался горячимъ лбомъ къ холодному оконному стеклу», что по терминологіи плохихъ беллетристовъ является наивысшимъ признакомъ сквернаго душевнаго состоянія.

Вечеромъ третьаго дня Громовъ вышелъ въ переднюю и сталъ искать свою шляпу.

Сзади послышалось воркованіе жены:

— Куда ты? куда ты, моя куколка?

— Къ товарищамъ пойду.

— Къ какимъ тамъ еще товарищамъ? Какие такие еще товарищи?

— Развѣ вы не знаете ихъ, Евдокія Антоновна? Мои друзья: Клинковъ и Подходцевъ.

— Что-о? Идти къ этимъ пьяницамъ и пошлякамъ, которые позволяли себѣ говорить обо мнѣ такія гадости?!

Громовъ поднялъ на нее кроткіе, молящіе голубые глаза:

— Я просилъ бы васъ, дорогой другъ, Евдокія Антоновна, не обижать моихъ товарищей. Мнѣ это очень больно...

— Подумаешь, нѣжности какія! Дѣвъ подозрительныхъ личности, безъ всяаго налета аристократизма — да я же еще должна молчать... Не пущу я тебя къ нимъ!

Голосъ Громова сдѣлался еще тише, еще музыкальнѣе:

— Очень прошу васъ, не удерживайте меня. Мнѣ очень нужно.

— Зачѣмъ?! Пьянствовать?

И совсѣмъ тихо, будто проглатывая что-то жесткое, пролепеталъ Громовъ:

— Въ нашихъ отношеніяхъ это было не главное...

— А что же, что было главное? Что они издѣвались надъ тобой, да жили на твой счетъ — это главное?

Голубые, сияющіе добротой глаза Громова какъ-то потемнѣли, сузились. Онъ дѣлалъ усилие, проглотить что-то жесткое, царапавшее глотку, и вдругъ — бѣшеный звѣриный ревъ, какъ громъ небесный, исторгся изъ груди его:

— А-а, рр-р-р!!! Заткни свою глотку, старуха, или я тебѣ заткну ее разъ навсегда этимъ зонтикомъ!! Голову отгрызу тебѣ зубами, если еще разъ пикнешь что-нибудь о Клинковѣ и Подходцевѣ!! Поняла?

У Громова было такое лицо, скрюченныя руки его съ такой экспрессіей протянулись къ горлу Евдокіи Антоновны, что она, блѣдная, въ предсмертной тоскѣ, тихо попятилась къ вѣшалкѣ и забилась тамъ между пальто и накидками.

Молчали оба долго.

Потомъ она, выглядывая изъ-за какой-то ротонды, прокричала тихо и подавленно:

— Съ ума ты сошелъ, что ли?

— Еще нѣть! Скоро сойду, вѣроятно... Ты! Ты, какъ вѣдьма, вскочила на меня, осѣдлала, дала пинка, и я побѣжалъ, подстегиваемый твоимъ сивымъ старишкой-отцомъ и каторжнымъ братомъ... Что жъ... (онъ криво улыбнулся) я побѣгу... Я уже человѣкъ погибшій... Но если ваши нечестивыя уста скажутъ хоть слово о Подходцевѣ и Клинковѣ — я тебя сброшу съ себя, а твоего старишка и братца исковеркаю, какъ пустую коробку изъ-подъ спичекъ. Поняла?

— Ты... нась... хочешь... убить? — пролепетала Евдокія Антоновна трясущимися губами.

Но Громовъ былъ уже спокоенъ, какъ лѣтнія зеркальная вода на рѣкѣ. Глаза его сияли попрежнему, а тихая улыбка застыла на пухлыхъ губахъ.

Онъ почистилъ рукавомъ шляпу и благодушно сказалъ:

* См. № 34 „Конецъ Громова“.

— Итакъ, значитъ, дорогая Евдокія Антоновна, я пойду къ Подходцеву и Клинкову и вѣрнусь поздно вечеромъ. Къ ужину меня не ждите.

Она вышла изъ-за вѣшалки и, цѣпляясь за его рукавъ, пролепетала:

— Скажи... ты часто такъ... будешь уходить?

Глубокая гнетущая печаль покрыла темнымъ крыломъ лицо Громова.

— О, нѣть... Это, вѣроятно, послѣдній разъ. Я для нихъ человѣкъ конченный — для чего я имъ? Я бы и сейчасъ не пошелъ, если бы Клинковъ не былъ сегодня именинникомъ.

Онъ приступилъ улыбнулся.

— Каждый годъ онъ добросовѣстно обѣ этомъ забывалъ и каждый годъ я ему напоминаль обѣ этомъ... Напомню вѣ послѣдній разъ.

И черезъ минуту его легкіе шаги и печальный свистъ — послышались уже внизу лѣстницы.

Евдокія Антоновна долго стояла у вѣшалки, сжавъ голову руками, будто сдерживая вылѣзшую изъ невидимаго тюфяка паклю безцѣнныхъ волосъ, и о чѣмъ-то напряженно, мучительно думала...

* * *

Клинковъ и Подходцевъ занимали вѣ гостиницѣ большой угловой номеръ съ двумя кроватями. Квартиру, вѣ которой жили всѣ трое, сейчасъ же послѣ свадьбы Громова остали, мотивируя это тѣмъ, что вѣ ней «трупикомъ пахнетъ».

Причина была нѣсколько иная: просто каждый уголъ, каждая вещь, напоминала о безвозвратно потерянномъ другѣ, и эти воспоминанія давили обоихъ друзей, дышали прямо вѣ лицо могильнымъ запахомъ.

Вѣ новой обстановкѣ дышалось легче.

Клинковъ, дождавшись сумерекъ, затопилъ каминъ и усѣлся передъ нимъ вѣ креслѣ, принялъ позу самаго безнадежнаго отчаянія. Подходцевъ, вытянувшись во весь свой длинный ростъ, лежалъ на диванѣ.

Бесѣда, конечно, шла о Громовѣ.

— Но вѣдь можетъ же онъ ее бросить? — глядя застывшимъ взоромъ на красные уголья, пробормоталъ Клинковъ.

— Не бросить, — отвѣчалъ Подходцевъ.

— Ради насъ даже?

— Не бросить.

— Однако, ты же вотъ разошелся съ женой.

— Я, — дѣло другое. А его эта трясина засосеть... медленно, но вѣрно. Такой ужъ онъ человѣкъ.

— Такое у меня настроеніе, — прошепталъ Клинковъ, — что хочется биться головой обѣ стѣнку.

— Бѣдная, — вздохнулъ Подходцевъ.

— Кто?!

— Стѣнка.

— Ты всегда такъ плоско остриши?

— Только для тебя. Кесарево кесареви.

— Громовскія шутки были во сто разъ умнѣе.

Изъ полураскрытыхъ по случаю жары дверей послышался голосъ:

— Раньше вы мнѣ такихъ пріятныхъ вещей не говорили.

— Громушка, милый!! Пришелъ! Вспомнилъ о насъ?!

— Можете же себѣ представить, какъ я васъ люблю, если даже радости медового мѣсяца не удержали меня около обожаемой жены.

И столько тоски слышалось вѣ этой легкомысленной шуткѣ, что сердца обоихъ друзей болѣзньно сжались.

— А жена твоя, какъ... — стараясь быть свѣтскимъ, спросилъ неуклюжій Клинковъ. — Здорова? Хорошо себя чувствуетъ?

Громовъ отвѣчалъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Благодарствуйте, недурно. Кланялась вамъ. Можетъ быть, навѣстите насъ?

— Почтѣмъ за честь, — вѣжливо отвѣчалъ Подходцевъ.

Да некогда все, дѣла, знаете...

— Скажите! А вы чѣмъ сейчасъ заняты?

— Открыть богатое мѣсторожденіе мѣди.

— Что вы говорите? Гдѣ? Далеко?

— Совсѣмъ близко. Вѣ головѣ у Клинкова.

— И много добываешь?

— Не очень. Мѣсто сырое, къ сожалѣнію. Водянка головы начинается.

Всѣ трое, какъ воробы, забывшіе о еще громыхающемъ вдали громѣ, повесельли и зачирикали, запрыгали по вѣт-

камъ, но новый ударъ грома, еще болѣе грозный, раздался вѣ этотъ моментъ...

Выразился онъ вѣ довольно тихомъ стукѣ вѣ дверь, стукѣ вѣ первый моментъ даже не услышанномъ за общимъ смѣхомъ.

Такъ и первое отдаленное погромыхивание грома почти не достигаетъ уха, а потомъ вдругъ усиливается, растетъ, растетъ...

— Можно войти?

— Кого тамъ черти принесли?! Войдите!

Небольшого роста рыжеватый человѣчекъ, съ лисьей физіономіей, одѣтый вѣ рыжее платье, съ оранжевымъ галстукомъ и вѣ ботинкахъ съ рыжимъ верхомъ вошелъ вѣ комнату.

Освѣщаемый яркимъ свѣтомъ каминна, приблизился къ тремъ друзьямъ и заискивающе сказалъ:

— Кто здѣсь Клинковъ?

— А! Вы, право, можете выбрать по своему вкусу, — съ досадой замѣтилъ Клинковъ. — Мы здѣсь всѣ одинаковые.

— Нѣть, — не обращая вниманія на тонъ, возразилъ неизвесткомъ, — можетъ быть, вы всѣ и были одинаковые, но съ этого момента одинъ изъ васъ будетъ рѣзко отличаться отъ другихъ.

— Кто? — отрывисто спросилъ Подходцевъ.

— Господинъ Клинковъ.

— Послушайте, — угрюмо пробормоталъ Подходцевъ, — если съ нимъ случится что-либо плохое — я васъ испорчу; мнѣ теперь все равно...

— Плохое? Что вы... Господинъ Клинковъ! Я повѣренный вашего покойнаго отца... Онъ вчера скончался и оставилъ вамъ (громъ все усиливался, крѣпчалъ и вдругъ обрушился самымъ оглушительнымъ образомъ), какъ единственному наследнику, два дома и около трехсотъ тысячъ процентными бумагами!!! Я радъ, что имѣль честь первый поздравить васъ.

— Вы меня поздравляете? — страннымъ тономъ спросилъ Клинковъ.

— Да! Конечно. Вы сейчасъ богатый наследникъ.

— А знаете, я даже радъ, что отецъ умеръ...

— Клинковъ! — укоризненно вскричалъ Громовъ.

— Радъ за него, что онъ умеръ. По крайней мѣрѣ, ему не придется имѣть съ вами дѣла...

Клинковъ отошелъ вѣ уголъ и долгоостоялъ тамъ, лицомъ къ стѣнѣ.

Рис. Реми.

НЕБОЛЬШОЕ ПРИДАНОЕ.

— Послушайте: этотъ молодой человѣкъ у васъ — другъ дома?

— Да. Это единственное, что жена принесла вѣ домъ...

ЧЕСТНЫЙ ОТВѢТЬ.

Жена. — Какъ?! Опять пьянъ? Опять, навѣрное, домой привезли?

Мужъ. — Что ты, м... матушка?! Я соб-ственno-ручно дошелъ.

Отошель. Спросиль глухо:

— Вспоминаль меня передъ смертью?

— Да. Говориль, что былъ неправъ по отношенію къ вамъ. Еще разъ — приношу мои искреннія поздравленія...

— Мнъ очень жаль... — промямлиль Клинковъ.

— Чего?..

Клинковъ подумалъ и сказалъ искреннимъ тономъ.

— Что не вы умерли, вмѣсто него. Ступайте! Заходите завтра. Сейчасъ мнъ не до васъ. У меня — Громовъ. Поняли? Прямо и нальво!

Аркадій Аверченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

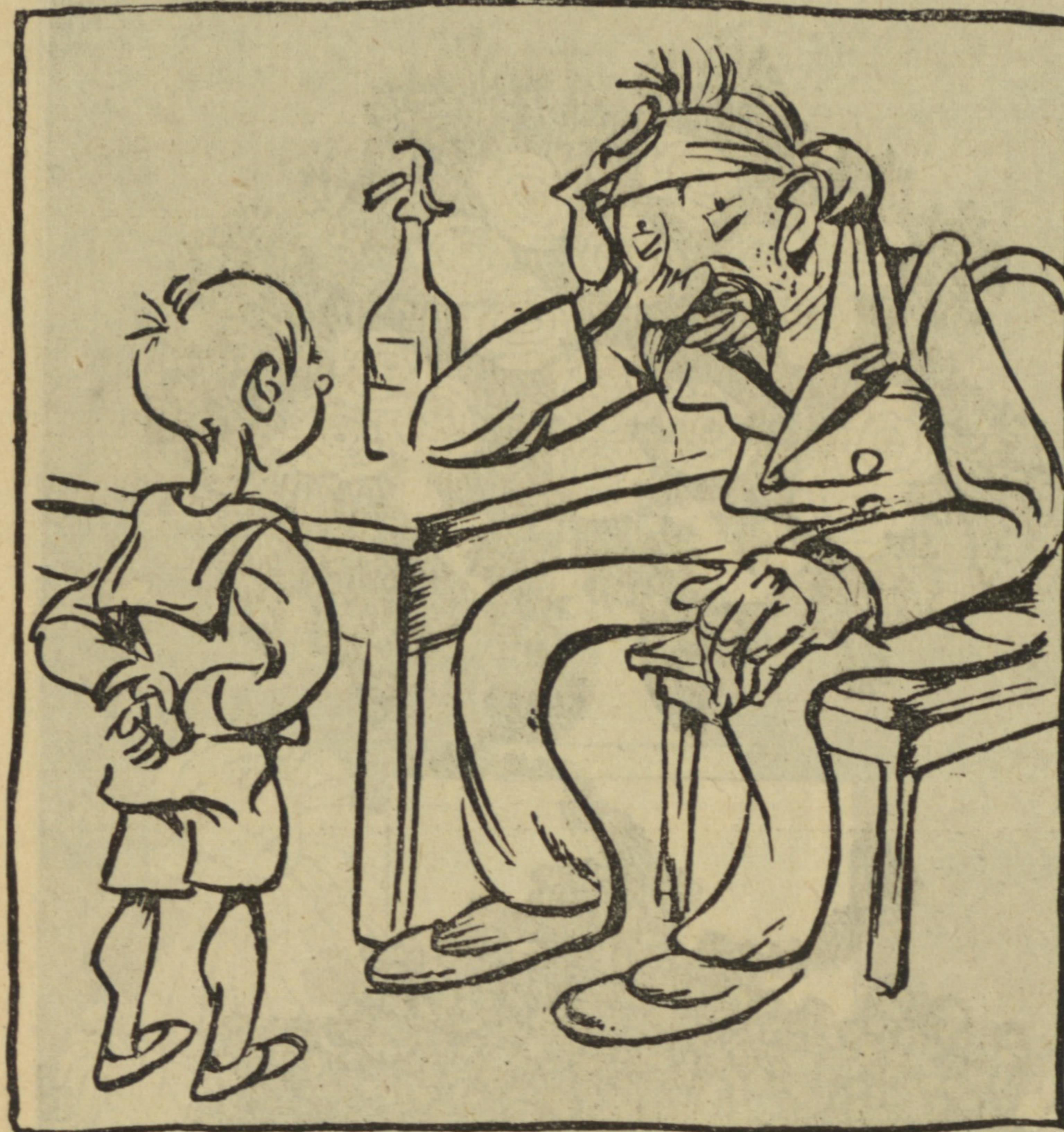
ОТВЪТЬ ЗАСЛУЖЕННЫЙ.

Нѣкій папильонъ на машкерадѣ одну даму — съ остроуміемъ, не гораздо уклюжимъ, такъ вопросилъ:
— Какъ же вы, сударыня, давеча въ залѣ говорили, что будете на воздухѣ, а сами на скамьѣ сидите?..
На что дама, ни мало не медля, отвѣтствовала:
— Такъ, сударь. На воздухѣ бы я была, но ваше тяжкое острословіе совсѣмъ меня къ землѣ пригнетаетъ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

ЛОГИЧЕСКИЙ ВЫВОДЪ.

Рис. Н. Радлова.

— Папа, лакеевъ ъдятъ?
— ?!!!??
— А дядя Коля говорилъ, что ты ихъ горчицей мазалъ...

КОРСАРЪ ИЗЪ САНЬ-ТОТЬМЫ.

I.

Когда-нибудь о нашемъ времени будуть вспоминать, какъ о средневѣковьѣ.

«Это было жуткое время,—скажетъ человѣкъ двадцать третьаго вѣка,—даже удивительно, что тогда уже были телеграфъ, телефонъ и еще что-то изъ автоматическихъ мечтой.»

А гимназисты будутъ зачитываться переводными романами изъ русской жизни, что будетъ одобряться всѣми, такъ какъ чтеніе историческихъ произведеній очень полезно.

Особеннымъ успѣхомъ будетъ пользоваться такая историческая повѣсть:

Это былъ въ Сань-Тотьма, гувернemanъ де-Вологда. Въ мрачную осеннюю ночь по немощеной улицѣ, освѣщенной двумя потухшими фонарями, керосинъ изъ которыхъ былъ выпитъ во время праздничнаго гулянья, шелъ незнакомецъ.

Повидимому, это былъ бѣднякъ, хотя въ карманѣ его побрякивали четыре куска пленаго сахара, коробка спичекъ и даже огарокъ стеариновой свѣчи, доставшійся по наслѣдству.

— Гдѣ я? — озираясь по сторонамъ, прошепталъ незнакомецъ. — Чортовъ вѣтеръ слѣпить глаза. Ночь темна, какъ внутренности корабельнаго негра.

Онъ посмотрѣлъ куда-то вбокъ и, привыкнувъ къ темнотѣ, прочелъ большую вывѣску.

«Д'Захар дю-Пузо-пер.»

«Должно быть, подумалъ незнакомецъ, это мѣстный не-гоянть. Посмотрю не свѣтится ли черезъ ставни огонекъ. Тогда я войду и попрошу о ночлегѣ.

Дрожащей рукой онъ постучалъ въ дверь. Никто не отворилъ. Только гдѣ-то въ сторонѣ завыла собака, но потомъ подумала и перестала. Это была одна изъ тѣхъ собакъ, которыхъ вѣшала мѣстная пресса на туземномъ начальствѣ.

Тишина.

Тогда незнакомецъ размахнулся и прильнулъ къ окну. Черезъ полчаса мгновенія онъ отшатнулся съ глухимъ стономъ, но было поздно. Чья-то тяжелая рука легла ему на плечо.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Смотрю, — смѣло отвѣтилъ незнакомецъ, — а что надо вамъ?

— Безумецъ, — шепнулъ человѣкъ, скавшій его плечо, какъ щипцами, — ты рискнулъ подсматривать за мѣстнымъ корсаромъ Д'Захаромъ дю-Пузо-пер'омъ? Ты долженъ погибнуть...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

II.

Когда незнакомца ввели въ большую освѣщенную комнату, съ его глазъ сняли повязку. Онъ увидѣлъ цѣлую компанію бородатыхъ краснощекихъ людей въ бѣлыхъ фортукахъ, картузахъ и съ толстыми цѣпями на собственныхъ животахъ, безъ капюшоновъ и черныхъ масокъ. Это послѣднее обстоятельство удручающе подействовало на незнакомца.

— Ты въ моей власти, — хмуро сказалъ человѣкъ, сидѣвшій по серединѣ, — помни это.

— Кто ты?

— Онъ не знаетъ Корсара изъ Тотьмы, — зашептали всѣ кругомъ, — безумецъ не знаетъ о его кровавыхъ по-движахъ...

— Зачѣмъ ты подошелъ къ моему дому? — спросилъ корсарь.

— Я хотѣлъ ѿстъ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ незнакомецъ.

— Они всѣ хотятъ ѿстъ. Ха-ха-ха, — сардонически захочатъ корсарь, — дайте ему курицу за 6 руб. 40 коп. Незнакомецъ пошатнулся.

Воцарилось жуткое молчаніе.

Всѣ поняли, что корсарь не шутить.

— Сжалъся, — пролепеталъ незнакомецъ, — чѣмъ я виноватъ...

Его слова какъ будто хлеснули по душѣ корсара. Повидимому, онъ задѣлъ какую-то скрытую, тайную боль въ душѣ злодѣя.

— Не виноватъ? — хрюпло вскричалъ тотъ. — А что вы сдѣлали со мной? Восемь дней я продавалъ вамъ по копейкѣ коробку спичекъ... Восемь дней ко мнѣ приходили люди и уносили по пуду сахарнаго песку... Восемь дней я зарабатывалъ своимъ горбомъ по сорока рублей въ сутки... Теперь будешь... Теперь я сумью отомстить за мою растоптанную молодость...

Видѣло бытъ ужасенъ. Всѣ дрожали мелкой и крупной дрожью, смотря по возрасту и положенію. Незнакомецъ былъ близокъ къ обмороку.

— Несчастный,—ты прогнѣвилъ владыку нашихъ мѣстъ, самого корсара Д'Захара дю-Пузо...

— Я не слышалъ о немъ. Я иностранецъ...

— Все равно. Онъ безжалостенъ. Онъ броситъ тебя въ очередь. Онъ спноитъ тебя тамъ.

Какъ птичка, сраженная оглоблей, незнакомецъ упалъ безъ сознанія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

III.

Когда незнакомецъ очнулся, онъ попросилъ попить.

— Дайте мнѣ глотокъ чаю.

— Эта собака хочетъ чаю, — сардонически усмѣхнулся корсарь, — поставьте его въ чайную очередь.

Незнакомца повели къ хвосту очереди. Въ немъ уже стояли сотни стариковъ, женщинъ и дѣтей.

— Здѣсь вся С.-Тотьма, — шепнулъ на ухо незнакомцу его конвоиръ, — это все плѣнныи Д'Захара дю-Пузо. Становись.

Черезъ сутки незнакомецъ слабо застональ.

— Я хочу ѿстъ.

— Чего тебѣ?

— Кусочекъ хлѣба.

— Поставьте его въ мучную очередь, — приказалъ Д'Захар дю-Пузо.

Незнакомца поставили.

— Не вздумай бѣжать, — злобно крикнулъ ему одинъ изъ помощниковъ корсара, бандитъ въ фартукѣ, — городъ окружены очерздиами. Убѣжишь нальво тебя перехватить мясная, направо — сахарная, сзади — молочная...

Дикий кошмаръ объялъ сознаніе незнакомца.

— Не протестуй, — посовѣтовалъ ему одинъ изъ плѣнныхъ, стоявшихъ рядомъ, — будешь хуже. Уже около года мы въ лапахъ этого бандита, который дѣлаетъ все, что хочетъ.

— Нѣть буду, — дико вскрикнулъ незнакомецъ, — буду...

— Несчастный... Остановись...

Но было уже поздно. Незнакомецъ сошелъ съ ума.

Гигантскими прыжками онъ приблизился къ дому корсара, вѣжаль въ большую комнату и съ хриплымъ хохотомъ закричалъ:

— Не боюсь!.. Гдѣ твоя курица за восемь рублей! Эй вы... Несите кусокъ сахара за рубль... Пойте меня молокомъ за четыре рубля... Ха-ха-ха...

Такъ погибъ смертью храбрыхъ таинственный незнакомецъ отъ черной руки неумолимаго корсара Д'Захара дю Пузо-пер'а въ небольшомъ городѣ Санъ-Тотьма, гувернантъ де-Вологда.

Это было въ 1916 году.

Конецъ.

* * *

— Папа, неужели это правда?

— Правда, дѣточка. Въ историческихъ повѣстяхъ всегда пишутъ правду.

— Чего же смотрѣли власти, и что дѣлало само населеніе?

— Дѣточка, вѣдь это же было въ 1916 году, когда еще разбойникамъ законы были не писаны.

A. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Сапоги.

Есть случаи, когда сапоги, дѣйствительно, безъ всякой ироніи—выше Шекспира. Это—когда они нужны нашимъ солдатамъ.

Въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло Езиса, обвиняемаго въ поставкѣ для арміи негодныхъ сапогъ.

Изъ двухъ партій сапогъ, поставленныхъ въ 1914 г. для пѣшихъ дружинъ, первая оказалась съ картонными подошвами, вторая была забракована.

Судъ призналъ Езиса виновнымъ въ покушеніи на мошенничество и приговорилъ его къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣс. съ лишеніемъ правъ.

Сапоги Езиса оказались до того плохими, что онъ даже до Сибири не могъ въ нихъ дойти.

Индивидуалисты.

Удивительная страна — Греція.

Тамъ войну можно вести кустарнымъ, домашнимъ способомъ: кто хочетъ — воюетъ, кто не хочетъ — не воюетъ.

Правительственные круги не воюютъ, а нѣкоторыя части арміи никакъ не хотятъ примириться съ тѣмъ, что болгары безъ задержекъ занимаютъ греческую территорію:

Нѣсколько греческихъ воинскихъ частей, увлеченныхъ своими офицерами, оказали со противленіе болгарамъ около Броди и въ окрестностяхъ Домиръ-Гиссара.

Шестая греческая дивизія, расположенная въ районѣ Сереса, съ большимъ ожесточеніемъ атаковала болгаръ, при чемъ обѣ стороны понесли потери.

Можетъ быть, такое положеніе: греческому главно-командующему доносятъ:

— Мы одержали крупную победу надъ болгарами. Разбили цѣлый корпусъ.

— Да развѣ мы воюемъ съ Болгаріей?

— Какъ же, давно. Только не всѣ. Такъ, нѣкоторые солдаты.

— Скажите, какая неожиданность!

И всѣ будуть удивляться, и Гунаристъ будетъ удивляться и только умный Венизелосъ будетъ посмѣиваться себѣ въ борту...

Что городъ, то норовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Первая премія „Нового Сатирикона“ будетъ разослана подписчикамъ въ среднихъ числахъ сентября.

Тяжелая жизнь.

Газеты, кромѣ войны, заняты еще и другими важными вопросами.

Въ одной изъ столичныхъ газетъ читаемъ:

Во что обходится известному нефтепромышленнику Л. А. Манташеву содержаніе его скаковой конюшни и конскаго завода?

Прежде всего, г. Манташевымъ потрачено 3 миллиона рублей на оборудование конскаго завода и скаковыхъ конюшень въ Москвѣ. Содержаніе этого завода и конюшень, а также такихъ дорогихъ жокеевъ, какъ негръ Винкфильдъ и англичанинъ Гиль, обходится ему въ годъ въ 700.000 рублей.

Какъ говорится: гиль чистѣйшей воды.

По словамъ В. В. Генерезева, ред.-изд. журн. „Конноз. и Споргъ“, Л. А. Манташевъ назначаетъ премію въ 100.000 рублей тому, кто указаетъ на какое-нибудь другое дѣло, которое потребовало затраты 3 мил. рублей и ежегодный расходъ въ 700.000 руб. и на то же время дало бы столько непрѣятностей, сколько даютъ скаковая конюшни и заводъ.

Очевидно, если бы г. Манташеву было указано за 100.000 р. второе такое неудобоваримое дѣло — то онъ бы съ радостью и за него ухватился. Иначе зачѣмъ бы ему назначать стотысячную премію.

А мы, наоборотъ, не гонясь за сга тысячами, бесплатно укажемъ г. Манташеву самое выгодное для него дѣло: оно не требуетъ 3.000.000 заграть, не требуетъ 700.000 ежегодного расхода и не приноситъ никакихъ непрѣятностей.

Это дѣло — сѣсть въ кресло и сидѣть, сложа руки.

„Черный Томъ“.

Пѣвица Изѣ Кремеръ поетъ пѣсенку подъ названіемъ „Черный Томъ“. Въ этой пѣсенкѣ разсказывается, какъ одна леди, встрѣтивъ въ чайномъ магазинѣ разсыльного, чернокожаго Тома, плѣнилась имъ и взяла его на службу грумомъ:

Леди говорить:

Ты смѣшной на видъ
Рожей и костюмомъ,
Будешь мнѣ служить,
И за мной ходить,
Называться грумомъ...

Въ англійской обстановкѣ все это разрѣшилось очень прилично: леди вышла замужъ за рыжаго лорда, а тайно влюбленный въ леди черный грумъ пошелъ въ уголокъ и тамъ перерѣзалъ себѣ горло.

Это романъ „по-англійски“.

А вотъ — романъ „по-русски“.

Въ св. синодѣ поступило отъ одной изъ южно-русскихъ епархій въapelляціонномъ порядке необычайное дѣло о разводѣ. Мѣстный крупный помѣщикъ, человѣкъ уже не первой молодости, женился на юной благовоспитанной барышнѣ изъ очень хорошей семьи. Супруги жили въ своемъ имѣніи, обставленномъ со всемъ роскошью. Между прочимъ, тамъ было два служителя-грума: одинъ англичанинъ, а другой негръ.

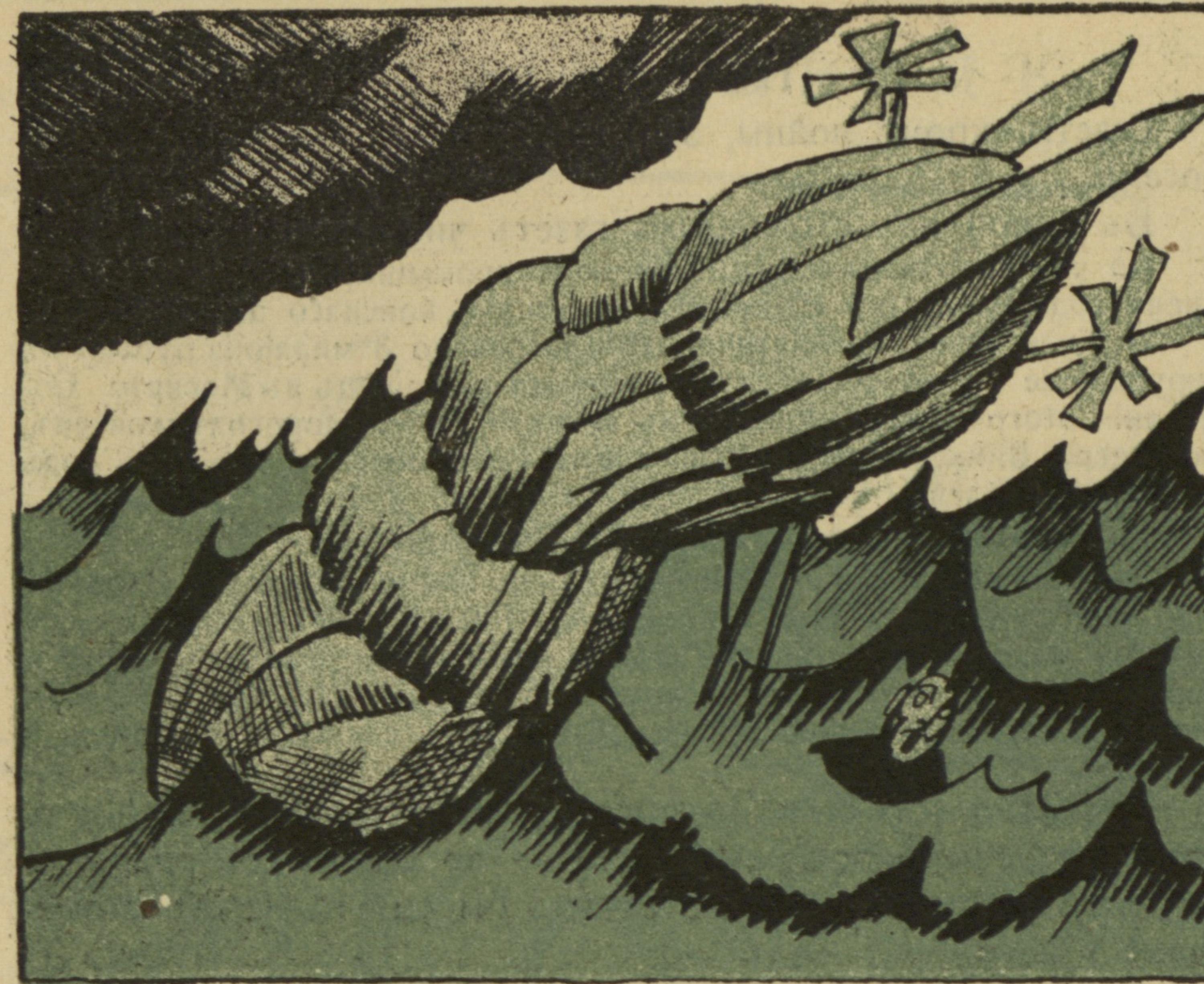
Молодая дама любила сама иравить лошадьми и, выѣзжая въ кабролетѣ въ лѣсъ или въ поле, всегда брала съ собою только грума — негра. Негръ вскорѣ умеръ отъ чахотки, а черезъ три мѣсяца послѣ его смерти г-жа родила дѣвочку негритянку.

Мужъ возбудилъ дѣло о разводѣ, обвиняя свою жену въ нарушеніи супружеской вѣрности съ умершимъ негромъ. На судѣ было установлено, что молодая женщина дѣйствительно проводила охотно время съ негромъ, совершенно игнорируя при поѣздкахъ болѣе опытаго грума-англичанина, но болѣе ничего уличающаго свидѣтели не могли показать.

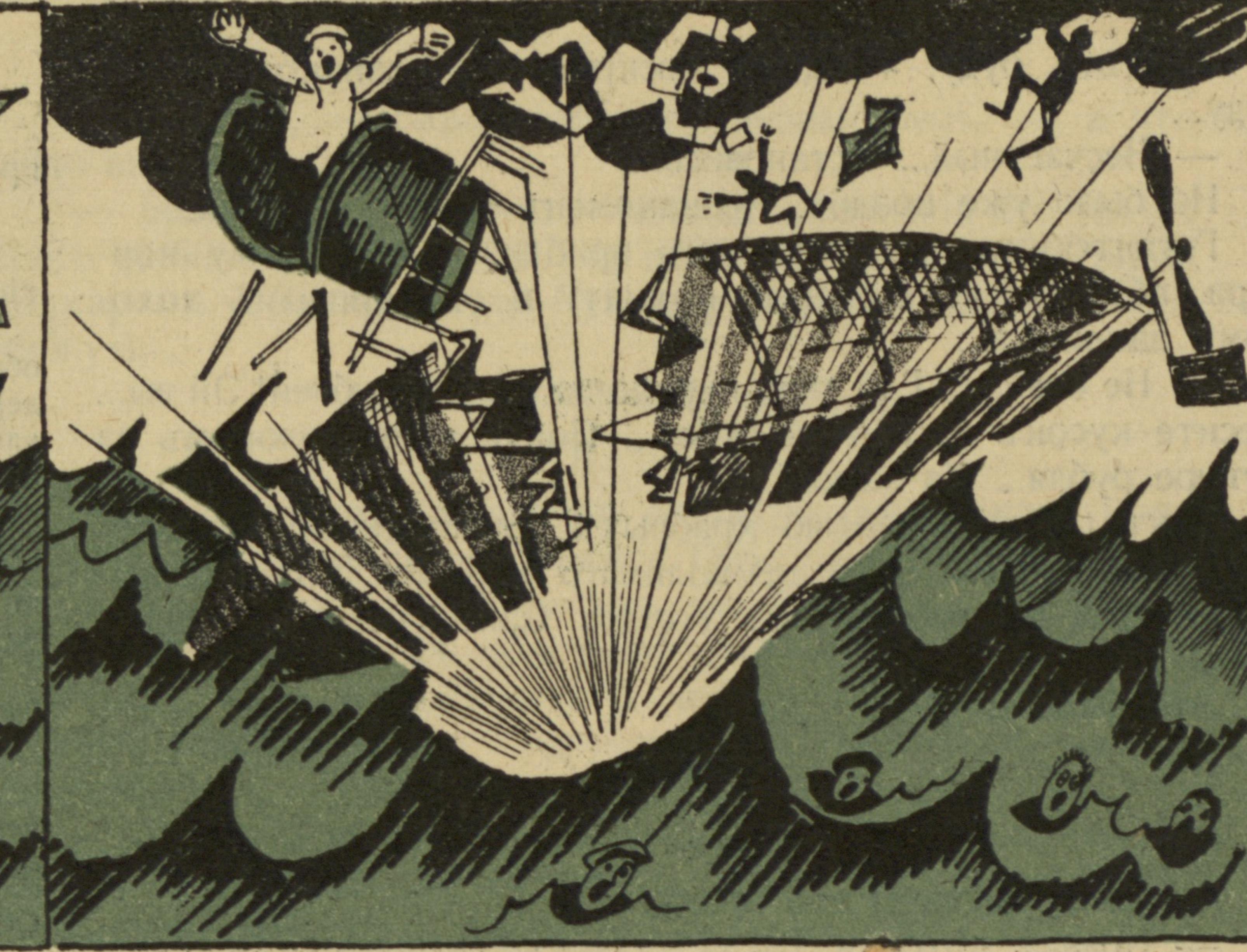
Жена опровергала обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности, объясняя неожиданное рожденіе дочери-негритянки игрой природы на почвѣ атавизма, указывая, что ея родной прадѣдъ по матери былъ чистокровнымъ негромъ, служившимъ въ свитѣ князя Потемкина-Таврическаго.

Такъ что, въ концѣ концовъ, кто же виноватъ въ цвѣтѣ дѣвочки? Потемкинъ ли, набиравшій въ свою свиту кого попало, англичанинъ ли, не умѣвшій понравиться, какъ грумъ, своей госпожѣ, или Изѣ Кремеръ, пѣсенка которой очевидно, дошла до ушей сердобольной русской дамы?

Темная, какъ кожа негра, история.

I. Воздушные дирижабли наши падаютъ въ воду.

II. Водяные броненосцы взлетаютъ на воздухъ.

БЕЗЪ ПРЕДОХРАНИТЕЛЯ.

— Мировая катастрофа, переоцѣнка цѣнностей... А мы дамы предохранители для шляпной булавки до сихъ поръ не завели. Писали, остирили, издавали циркуляры, составляли протоколы... Какъ о стѣну горохомъ... Меня эти дамы давно интересуютъ, и я отлично изучилъ типъ женщины безъ предохраниителя. Я утверждаю, что такая женщина глубоко безнравственна и способна на все...

— Ну, знаешь... — засмѣялся пріятель.

— Что?

— Ерунду городишь. Что общаго между предохранительмъ шляпной булавки и нравственностью?

— А вотъ что... Скажи, почему бы женщины не купить предохранитель, а? Развѣ это трудно или дорого? Предохранитель даже теперь—стоитъ прошт. Въ чѣмъ же дѣло? Въ рас-пу-щен-нос-ти. Предохранитель, предохранитель... Говорить одна моя знакомая. Очень нужно!.. Только возня съ нимъ, и теряются они постоянно. Но вѣдь вы можете глазъ выколоть, напоминаю ей. Не выколо; а выколо, такъ самъ виноватъ: смотри въ оба. И вдругъ зѣваетъ и признается, что ей скучно, что хочется побѣхать покататься. И смотритъ съ вызывающей улыбкой. Мужа, конечно, нѣть дома. Везу ее. Отъ быстрой ъзды она возбуждается, хохотъ, и ей уже хочется въ ресторанъ. Въ ресторанѣ она пьянѣтъ; и ты можешь дѣлать съ ней все, что угодно. У меня не разъ разговоръ о предохранительѣ, разговоръ, который я начинай сурово, кончается любовнымъ похожденіемъ. Затѣмъ женщины безъ предохраниителя воруютъ товаръ въ магазинахъ...

— Это клептоманки, — сказаѣть пріятель.

— Клептоманокъ 2—3 процента, а остальныя — просто распущенныя, порочныя женщины. Жены, измѣнившися мужьямъ, тоже не носятъ предохраниителя. Эти женщины не любятъ дѣтей, жестоко съ ними обращаются, развращаютъ ихъ. Недавно дама безъ предохраниителя поцѣловала меня на глазахъ у своей десятилѣтней дѣвочки. И когда я запретилъ, она сказала, смѣясь: вѣтъ

Рис. А. Радакова.

вздоръ, пусть пріучается, все равно въ матъ пойдетъ. Замѣчаешь ты теперь, какая связь между порочностью и отсутствиемъ предохраниителя? Женщины безъ предохраниителя — безусловно патологическая натура. Ихъ лѣчить надо. Это материалъ для психиатра.

— Все это сильно преувеличено, — зѣвнулъ пріятель.

— Ты, мой другъ, принадлежишь къ числу людей, которыхъ надо носомъ ткнуть — тогда только они соглашаются. А поэтому, идемъ!

— Куда?

— Самое лучшее, въ трамвай. Тамъ чаще всего ихъ можно встрѣтить. Никакіе циркуляры градоначальника не помогаютъ. Пойдемъ, это занятно.

Пріятель вяло поплелся за мною, бормоча:

— Ну, ткни, ткни носомъ...

— Вотъ идетъ № 13, народу биткомъ. Навѣрняка найдемъ хоть одну безъ предохраниителя. Цѣляться!.. Та-а-акъ. На задней площадкѣ шумѣли:

— Это безобразіе!.. Гдѣ кондукторъ? Нацѣпила двѣ шпильки и обѣ на поль-аршина торчать...

— Она хочетъ сразу два глаза выколоть, — состриль кто-то.

— Да нѣть, помилуйте, есть распоряженіе градоначальника, чтобы такихъ не пускать въ вагонъ. Чего кондукторъ смотритъ. Гдѣ кондукторъ? Выньте шпильки!.. Высадить надо, въ участокъ ее!..

— Это нахальство. Вы не смѣете!.. — крикнула дама въ соломенной шляпкѣ, изъ которой торчали два длинныхъ острія. — Мой мужъ...

Я не разслышалъ, кто ея мужъ. Даму вдавили внутрь вагона. Я и пріятель протиснулись въ вагонъ. Дама безъ предохранителей стояла уже у передней двери и вызывающе смотрѣла на пассажировъ. Лицо ея пыпало.

— А она недурненькая, — шепнула пріятель.
— И безусловно порочна, — добавилъ я.

Дама вышла на площадку, мы за ней.

— Какое нахальство, такъ обращаться съ дамой. Великое дѣло, что шпилька торчитъ. Сейчасъ ужъ и въ глазъ волится. Какъ же, всплыла!.. Психопаты. Попробовали бы они съ

моей женой такъ поговорить... — Громко возмутился я.

Дама бросила мнѣ благодарный взглядъ и сказала:

— Мой мужъ этого такъ не оставитъ. Я запомнила номеръ вагона, и онъ разыщетъ завтра этихъ негодяевъ.

Пріятель засмѣялся. Я толкнулъ его и сказалъ:

— Я охотно, сударыня, буду свидѣтелемъ. Сейчасъ я дамъ вамъ мою карточку...

Багонъ остановился.

— Я здѣсь выхожу... — улыбнулась дама.

— Мы тоже. Осторожнѣй!.. — Я помогъ ей сойти. — Позвольте вами представить моего пріятеля, онъ тоже былъ свидѣтелемъ возмутительного насилия надъ вами.

Дама улыбнулась и пожала руку пріятелю.

— Вамъ далеко? — спросилъ я. — Если позовите, мы вѣсЬ проводимъ. Теперь столько хулиганъ развелось...

— Пожалуйста, я очень рада.

Мы пошли.

— Собственно говоря, — началъ я, — слѣдовало бы завести вами предохранитель. Ну, что вамъ стоить? Хотите, я вамъ подарю?

— Нѣть, мерси. Я не ношу предохранителя. Чего ради? Такіе трусы... Сейчасъ ужъ и глазъ выколо. Какъ будто глазъ такъ легко выколо. Будь остороженъ, и не выколо.

— А есть распоряженіе градоначальника, безъ предохранителей не пускать въ вагонъ.

— Пусть только попробуютъ не пустить...

Изъ-за угла вышла дама и радостно воскликнула:

— Здравствуй, Сонечка, а я къ тебѣ...

— Какъ я рада, Лida, — сказала наша дама.

Онѣ поцѣловались.

— Знакомьтесь, господа, — сказала Сонечка, — моя пріятельница, а это мои спасители. Понимаешь, милочка, сейчасъ въ трамвай такъ скандаль... Такіе нахалы... Приставали ко мнѣ, хотѣли высадить... Если бы вѣтъ не они, я не знаю, что было бы...

— Но почему?.. Кто?.. Разскажите! — заволновалась Лida.

Я рассказалъ.

— Это возмутительно! — сказала Лida. — Ужъ теперь я не надѣну предохранитель, нѣть-ѣсть!.. Скандалъ, такъ скандалъ. Изъ упрямства не надѣну...

— Но вѣдь изъ упрямства можно сдѣлать то, что вы сами считаете предосудительнымъ, — сказалъ я съ улыбкой.

— Напримѣръ? — бойко спросила дамочка.

— Ну, напримѣръ, побѣхать съ мужчиной въ ресторанъ, тайкомъ отъ мужа.

— А что жъ тутъ такого? Думаете, я не ъздила? — засмѣялась она.

— Смотря съ какимъ мужчиной, — сказала Сонечка, — съ вами, напримѣръ, съ большимъ удовольствиемъ. Я знаю, что вы не нахалы, а наоборотъ: вступились за меня.

— Рыцари!.. — подхватила Лida. — Знаете что, — давайте пойдемъ! Вечеръ прелестный, въ комнату не хочется. Прокатимся, а потомъ въ ресторанъ ужинать. Кстати, докажу вамъ, что я могу сдѣлать это безъ всякаго упрямства. Ты ъздишь? — спросила она Сонечку. — А то я одна пойду.

— Нѣть, и я пойду. Только скучно теперь въ ресторанѣ...

— Я знаю кабачокъ, гдѣ даютъ къ шашлыку кахетинское, — сказала я.

— Превосходно! Шишикъ, кахетински... Я аба-жааю... — захотѣла Лida. — Ну, везите насы! — сказала она, блестя глазами.

Черезъ минуту моторъ мчалъ меня, пріятеля и двухъ дамъ безъ предохранителей въ ресторанъ.

* * *

Въ кабачкѣ дамы быстро опьянѣли...

* * *

— Ну, что, убѣдился? — спросилъ я пріятеля.

— Ткнулся носомъ... — отѣтилъ онъ, и пьяно захихикаль.

В. Черній.

МѢЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ.

1.

Нынче женишки въ сапожкахъ ходятъ. Время такое: мужской элементъ на войнѣ, а кто не на войнѣ, да не старъ, да цѣну себѣ знаетъ, къ тому, по моему мнѣнію, приступа нѣть. А ужъ, ежели, какъ я, не только домовладѣльцъ, а еще на рѣкѣ мойку содержу, такъ и словъ не найдешь для описанія, что я за лакомый кусочекъ для госпожъ невѣстъ.

Я себя отлично понимаю.

Гляну въ зеркало, а на меня смотрѣтъ молодой человѣкъ 41 года, очень внушительный и съ каждымъ органомъ въ пропорції. Не какой-нибудь катастрофильный ковчегъ. Нось, какъ у всякихъ человѣка. Я такъ полагаю: если нось меньше пудовой гири, значитъ, — правильный нось. Сдѣлай улыбающимъ, — въ лицѣ полная очаровательность; нахмурюсь, — и хоть трехзубаго Нептуна съ меня рисуй. Сломомъ, завидный господинъ.

2.

Этой весною я понялъ, что за меня любая дѣвица замужъ пойдетъ. Будемъ говорить прямо, что такое любовь? Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ, — вотъ и вся любовь.

А какъ молодые люди ближе къ фронту продвинулись, такъ мы — положительные люди разомъ себѣ дорогу къ дѣвичьему сердцу прочистили.

Это я разомъ понялъ:

— Сидоръ Сидоровичъ, заходите!

— Сидоръ Сидоровичъ, милости просимъ!

Те-те-те-те!

Я разомъ насторожился.

Лѣву, охотника поджидящему, уподобился

3.

Я облюбовалъ мамзель Каверзову. Пріятная дѣвица и, судя по облику, нраву будетъ покорнаго. Легко сказать: «облюбовать». А, вотъ, какъ познакомиться? Черезъ пріятеля? Сохрани Создателя! Вѣдь, это значить, съ перваго же шага внушишь женѣ, что ты ею интересуешься.

Думай я, думай и додумался до замѣчательного плана. Прихожу это я къ самому Каверзову.

— Здрасте!

— Здрасте!
 — Какъ поживаєте?
 — Покорниче мерси.
 — Что вамъ угодно?
 — На улицѣ, кто-то бумажникъ обронивши, а я его нашелъ. Не вы ли его обронили?
 — Нѣтъ, не я.
 — Ну, аригуаръ. Хоть очень уставши и чайку попить охота смертная, а все же аригуаръ.
 — Можетъ, у насъ испьете?
 — Не будеть противно.
 — Что жъ, милостью просимъ.

Выпили. Три черепушечки по пропорці, три за компанию, одну — прошеную, одну — изъуваженія да еще одну — благоутробія ради.

4.

Линю знакомства повель, какъ говорится, стратегически. Ни единаго намека, будто интересуюсь, или влюбленъ. Захожу къ невѣстѣ часто, а все — будто невзначай. То: «Не забылъ ли я у васъ запонку изъ манжетки?», а то «Иду это я мимо вашей улицы, хватъ-похватъ, а спичекъ и нѣту, — ну, думаю, зайду-ка, покурю, народъ не сквалыжный, спички не пожалѣть», — и все этакъ въ томъ же родѣ, числъ и падежъ. Разговоры съ невѣстой не спускаю съ передовой позиціи. Только объ умномъ. Напримѣръ:

— Читали въ газетахъ, нѣмцы въ окопъ сѣли?

Или:

— «Газету-Копѣйку» не въ примѣръ важнѣе читать, чѣмъ иное прочее.

Замѣчаю, что мой предметъ влюблется въ меня по уши.

5.

Не будучи дуракомъ, я отлично понимаю, что дѣвицамъ очень нравятся стихотворцы, и поэтому стараюсь время отъ времени стишокъ подпустить.

Стихъ у меня замѣчательный.

Скажутъ:

— Нашъ Петрушка писаремъ въ полку.

А я:

— Отрубилъ хвостъ телку.

Заговорять про Кузьму, а я: «Кузьму за бороду возьму». Или: «— Какой завтра праздникъ?» — «Луки, цѣлованіе моей руки».

Даже будущаго тестя проняль.

— Ну, говорить, — ловкачъ у меня на стихи приказчикъ Панька, а ты и его за поясъ заткнулъ.

А я на это въ отвѣтъ:

— Я не стихотворецъ, не поэтъ, не аллегорецъ, нѣть, нѣть, нѣть!

Даже въ ладоши мнѣ захлопали.

— Прошу въ ладоши не стучать, — продолжалъ я, — а лучше чаемъ угощать.

Фуроръ отъ этихъ стиховъ — неописуемый!

6.

Приблизилось время предложения руки и сердца. Облачился я во все модное, даже подтяжки одеколономъ обрызгалъ, чулки чистые одѣль и, засунувъ цвѣтокъ-петунью въ петлю, — отправился жизненный шагъ дѣлать.

Будучи человѣкомъ благороднымъ, я рѣшилъ первый разговоръ съ тестемъ имѣть.

Не теряя никакого достоинства, я сказалъ ему все, что положено по этикету, и въ заключеніе прибавилъ:

— Ежели дадите чистоганчикомъ двадцать тысячъ, то хоть завтра, подъ вѣнецъ.

— Ой, жирно!

— Дѣлать спускъ не буду.

— Дѣвка-то молодая. Кабы въ лѣтахъ.

— Дѣвка не наливка-съ. Лѣта — пустой звукъ.

Часокъ поторговались. Скинуль я для вѣжливости одну тысячечку.

Потомъ тестъ говорить:

— Ну, иди невѣстѣ предлогъ дѣлай. Только, пожалуйста, долго не тяни, чтобы намъ тебя у дверей съ образомъ не выжидать. Цѣлуй ее скорѣй, а мы васъ и накроемъ.

Я такъ и выполнилъ. Словъ пять-шесть сказалъ и прямо — чмокъ!

Насъ и накрыли.

7.

Передъ тѣмъ, какъ юхать въ церковь, вызвалъ въ отдѣльную комнату тестя.

— Такъ и такъ, чтобы не было обмана, денежки — на столъ!

Пригласили отца протоіерея Жезлоносцева, какъ благороднаго свидѣтеля. Затѣмъ тестъ выложилъ горку бумагекъ. Просчиталъ я ихъ разъ, просчиталъ два.

— Сотенней не хватаетъ-съ, — говорю.

— Э, что тамъ — сотенная.

— Ну, ужъ, отъ своего счастья ни на шагъ! Ни въ коемъ случаѣ безъ сотни не ѹду подъ вѣнецъ.

Повергтѣлся тестъ, повергтѣлся, застональ — вынулъ.

8.

Хорошо было въ церкви. Стоишь ты, какъ соляной столбъ, и всѣ на тебя смотрятъ. Подъ ногами коверъ, а на рукахъ перчатки. Прямо, будто графъ, или князь какой.

Стоишь и чувствуешь, что и себѣ счастье составляешь и другого человѣка по гробъ жизни благодѣтельствуешь.

А вышли изъ церкви — сейчасъ на извозчика. Не на какого-нибудь, а съ резинками и откинутымъ верхомъ...

Жену демонстративно обнялъ, грудь выпучиль, котелокъ на бекренъ, — смотри Русь православная! — Сидоръ Пузревъ себѣ счастье составилъ, — смотри и завидуй!

Извозчикъ! Хамово отродье! Что жъ ты сворачиваешь въ переулокъ? Гони на главную улицу! полнымъ ходомъ мимо губернаторскаго дома!

Пусть губернаторъ почувствуетъ!

Евграфъ Дольскій.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Максу Мещеровицу — Мѣткое сравненіе — половина успѣха:
 — „Ее нога, какъ толедская шпага изъ ноженъ — освободилась изъ чулка“...

А въ письмѣ на имя редакціи вы пишете:

„Я уже нѣсколько лѣтъ болтаюсь (?) по разнымъ редакціямъ.“
 То-то и оно.

Б. Провинція.

Мелитополь — Исааку М — ону. — „Если въ моемъ присыпѣ какіе-нибудь недостатки — укажите“.

Самый главный недостатокъ — недостатокъ марки на конвертѣ. Остальные (я стоялъ на углѣ (?) и ждалъ Лилию, „она не хотѣла мочиться подъ дождемъ“, „я быстро наткнулся ей кольцо на пальчикъ“... и пр.) — менѣе существенны. Прощайте. Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

4-й годъ
изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

ВЫТЯЖКА

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ

Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

изъ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастени, истеріи, невральгіи, старческой дряхлости, подагре, ревматизме, малокрові, артеріосклер., туберкулезѣ, діабетѣ, головныхъ боляхъ, безсоннице, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердчи. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлюэнзы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гр. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съмennaя вытяжка лабораторіи Д. Калениченко наблюдений высыпается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаconъ съмennой вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 рубля, пересыпка—40 к., пересыпка высыпки одного флаconъ—бесплатно. 2%—ный почтовый сборъ за наложенный платокъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтическ. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловский пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Вытяжка изъ стъменныхъ желеzъ изготавливается естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реацій и ничего общаго не имѣетъ со химически изготавленными сперминомъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣюща специальный отдѣль
„ТАВАССЕТ СИГАРЕТТС ДЕ ЛЮКС“

SPHINX 10 шт.
отъ 40 к.—1 р.

KHEDIVE 10 шт.
отъ 20 к.—60 к.

CLASSIC 10 шт.
отъ 20 к.—60 к.

АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ фунтъ
отъ 5 р.—15 р.

ПАПИРОСЫ:

ЯКА 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

Ж-во Л. Ж. Щогдановъ и Ко.

ВСЕМИРНОИЗВѢСТНЫЙ КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу.

новая книга:

„Теплая Компания“

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Текстъ: — Арк. Аверченко,
Вл. Азова, А. Бухова,
О. Л. Д'Ора и Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Отъ издательства.

Вышло въ свѣтъ 4-е изданіе книги

„Сатириконцы въ Европѣ“.

Издание обильно иллюстрировано.

Ал. Вознесенскій.

Путь Агасеера.

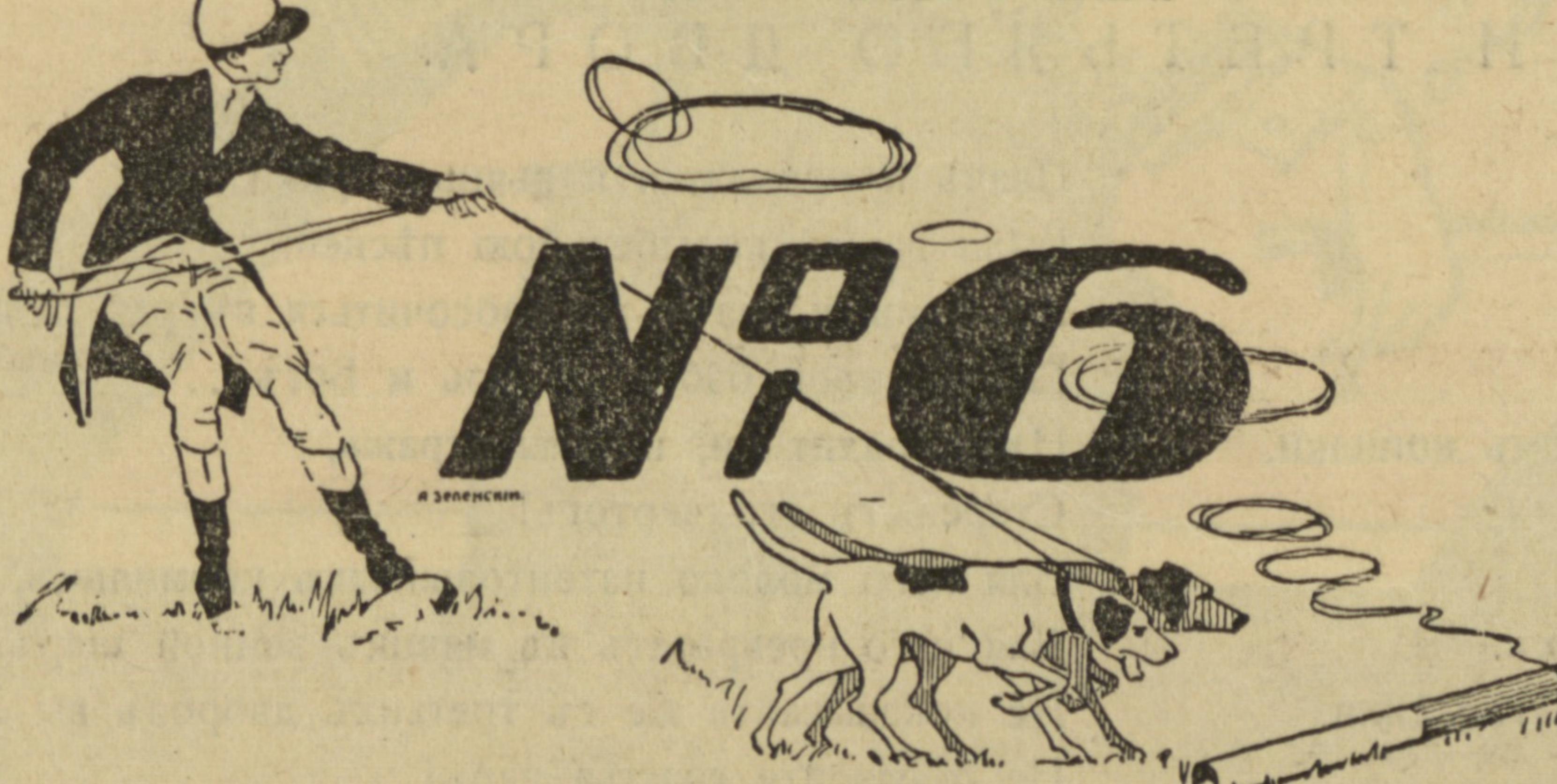
Книга стиховъ съ предисловіемъ Леонида Андреева.

Издание второе.

Цѣна 1 р. 25.

Изд. „ШИПОВНИКЪ“, Петроградъ, Николаевская, 31.

ПАПИРОСЫ

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 13 августа 1916 г.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Нового Сатирикона“ взимаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и просить прилагать старый адресъ.

ДѢТИ ТРЕТЬЯГО ДВОРА.

Сырые, угрюмые, темные колодцы,
Въ нихъ смотрять куски слезливаго неба,
Смотрять, какъ внизу блѣдные уродцы
Вѣчно мечтаютъ о кускѣ хлѣба.
Зелененькия, блѣдненькия, вы съ туберкулезомъ копилки.
Плодъ любви вѣчно голодныхъ,
У кого любовь скрыта на днѣ бутылки,
А силы растрячены въ порывахъ безплодныхъ.
Ваши глаза не звѣздочки, ротики не цвѣты гвоздики.
Ваша жизнь не была сказки чудеснѣй.

Плачъ и проклятия и пьяные крики
Были вашей колыбельною пѣсней.
Зелененькия! вамъ не просочиться въ раѣ бельетажа
Гдѣ розовой бэби — царь и Богъ...
Нѣть, рахитики, вѣрная стража,
Стережеть его чертогъ!
Для него молоко патентованныхъ кормилицъ,
Для него превратить въ мячикъ земной шаръ.
Не показывайте же съ третьихъ дворовъ вы лицъ,
Не омрачайте счастья дарь!

А. Радаковъ.